

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

SILENTIUM

Стихотворения
акмеистов

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С36

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Silentium : стихотворения акмеистов. — Москва :
С36 Эксмо, 2026. — 368 с. — (Всемирная литература
(с картинкой)).

ISBN 978-5-04-229639-0

Сегодня имена Николая Гумилева, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама звучат как отдельные, чистые удары колокола — каждый из них оставил свой отпечаток в поэтической речи, и этот отзвук мы слышим до сих пор.

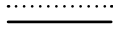
В сборник вошли стихотворения акмеистов, когда-то сплотившихся в «Цех поэтов», — голоса, которые соединятся в единый, сверкающий хор.

Судьба многих из них трагичная, однако даже на самые темные веи истории они сумели пролить чудотворный, спасительный свет поэзии.

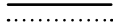
УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-229639-0

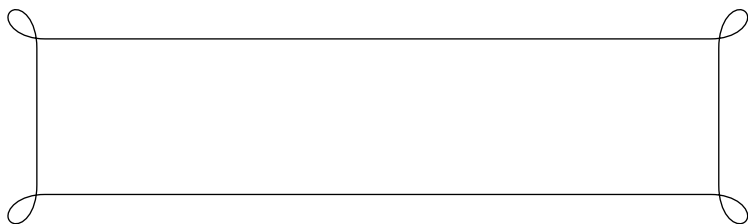
© Новгородова М.И., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ
(1886–1921)

* * *

Иногда я бываю печален,
Я забытый, покинутый бог,
Созидающий в гряде развалин
Старых храмов — грядущий чертог.

Трудно храмы воздвигнуть из пепла,
И бескровные шепчут уста:
Не навек ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.

И тогда надо мною, неясно,
Где-то там, в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.

«Брат усталый и бледный, трудися!
Принеси себя в жертву земле,
Если хочешь, чтоб горные выси
Загорелись в полуночной мгле.

Если хочешь ты яркие дали
Развернуть пред больными людьми,
Дни безмолвной и жгучей печали
В своё мощное сердце возьми.

Жертвой будь голубой, предрассветной.
В тёмных безднах беззвучно сгори...
... И ты будешь Звездой Обетной,
Возвещающей близость зари.

1902–1903

БАЛЛАДА

Из поэмы «Сказка о королях»

Пять могучих коней мне дарил Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Я увидел бездонность подземных пещер
И роскошных долин молодое лицо.

Принесли мне вина — струевого огня
Фея гор и властительно-пурпурный Гном,
Я увидел, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.

И я понял восторг созидаемых дней,
Расцветающий гимн мирового жреца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознания — безумье и снег...
Но восторг мой прожёт голубой небосклон,
Я на выси сознания направил свой бег
И увидел там деву, больную, как сон.

Её голос был тихим дрожаньем струны,
В её взорах сплетались ответ и вопрос,
И я отдал кольцо этой девице Луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

И смеясь надо мной, презирая меня,
Мои взоры одел Люцифер в полутьму,
Люцифер подарил мне шестого коня
И Отчаянье было названье ему.

1905

СМЕРТЬ

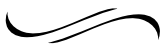
Нежной, бледной, в пепельной одежде
Ты явилась с ласкою очей.
Не такой тебя встречал я прежде
В трубном вое, в лязганьи мечей.

Ты казалась золотисто-пьяной,
Обнажив сверкающую грудь.
Ты среди кровавого тумана
К небесам прорезывала путь.

Как у вечно жаждущей Астреи,
Взоры были дивно глубоки,
И неслась по жилам кровь быстрее,
И крепчали мускулы руки.

Но тебя, хоть ты теперь иная,
Я мечтою прежней узнаю.
Ты меня манила песней рая,
И с тобой мы встретимся в раю.

Осень 1905

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Валерию Брюсову

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое тёмный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял её однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким
струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервётся пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться
и вздохнуть, —
Тотчас бешеные волки в кровожадном исступленьи
В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.

Ты поймёшь тогда, как злобно насмеялось всё,
что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг.
И тоскливый смертный холод обовьёт, как тканью,
тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья,
ни сокровищ!
Но я вижу — ты смеёшься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза
чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью
скрипача!

1907

НЕВЕСТА ЛЬВА

Жрец решил. Народ, согласный
С ним, зарезал мать мою:
Лев пустынный, бог прекрасный,
Ждёт меня в степном раю.

Мне не страшно, я ли скроюсь
От грозящего врага?
Я надела алый пояс,
Янтари и жемчуга.

Вот в пустыне я и кличу:
«Солнце-зверь, я заждалась,
Приходи терзать добычу
Человеческую, князь!

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,
Пасть и не подняться вновь,
Дай услышать страшный запах,
Тёмный, пьяный, как любовь».

Как куренья, пахнут травы,
Как невеста, я тиха,
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

сентябрь 1907

ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озёр.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полёт.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю весёлые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

9 октября 1907

САДА-ЯККО

В полутёмном строгом зале
Пели скрипки, Вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом,
И ложилась тень акаций
На полотна декораций.

Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети,
Ваши маленькие ножки
Трепетали на паркете,
И жуками золотыми
Нам сияло Ваше имя.

И когда Вы говорили,
Мы далёкое любили,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомое искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце —
Только вымысел японца.

1908

ВЕЧЕР

Ещё один ненужный день,
Великолепный и ненужный!
Приди, ласкающая тень,
И душу смутную одень
Своею ризою жемчужной.

И ты пришла... ты гонишь прочь
Зловещих птиц — мои печали.
О, повелительница ночь,
Никто не в силах превозмочь
Победный шаг твоих сандалий!

От звёзд слетает тишина,
Блестит луна — твоё запястье,
И мне во сне опять дана
Обетованная страна —
Давно оплаканное счастье.

1908

ИЗ ЦИКЛА «КАПИТАНЫ»

На полярных морях и на южных,
По изгибам зелёных зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстрёмы и мель,

Чья не пылью затерянных хартий, —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Клочья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвёт пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернёт паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

Июнь 1909

ВОИН АГАМЕМНОНА

Смутную душу мою тяготит
Странный и страшный вопрос:
Можно ли жить, если умер Атрид,
Умер на ложе из роз?

Всё, что нам снилось всегда и везде,
Наше желанье и страх,
Всё отражалось, как в чистой воде,
В этих спокойных очах.

В мышцах жила несказанная мощь,
Нега — в изгибе колен,
Был он прекрасен, как облако, — вождь
Золотоносных Микен.

Что я? Обломок старинных обид,
Дротик, упавший в траву.
Умер водитель народов, Атрид, —
Я же, ничтожный, живу.

Манит прозрачность глубоких озёр,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен этот позор —
Жить, потерявши царя!

1909

ЛЮБОВЬ

Надменный, как юноша, лирик
Вошёл, не стучая, в мой дом
И просто заметил, что в мире
Я должен грустить лишь о нём.

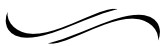
С капризной ужимкой захлопнул
Открытую книгу мою,
Туфлём лакированной топнул,
Едва проронив: не люблю.

Как смел он так пахнуть духами!
Так дерзко перстнями играть!
Как смел он засыпать цветами
Мой письменный стол и кровать!

Я из дому вышел со злостью,
Но он увязался за мной,
Стучит изумительной тростью
По звонким камням мостовой.

И стал я с тех пор сумасшедшим,
Не смею вернуться в свой дом
И всё говорю о пришедшем
Бесстыдным его языком.

1910

ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго,
Припоминая вечера,
Когда не мучило «вчера»
И не томили цепи долга;

И в море врезавшийся мыс,
И одинокий кипарис,
И благосклонного Гуссейна,
И медленный его рассказ,
В часы, когда не видит глаз
Ни кипариса, ни бассейна.

И снова властвует Багдад,
И снова странствует Синдбад,
Вступает с демонами в ссору,
И от египетской земли
Опять уходят корабли
В великолепную Бассору.

Купцам и прибыль, и почёт.
Но нет, не прибыль их влечёт
В нагих степях, над бездной водной;
О тайна тайн, о птица Рок,
Не твой ли дальний островок
Им был звездою путеводной?